

Бертран Рассел Во что я верю filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Бертран Рассел

Во что я верю

1. Природа и человек

Человек – часть природы, а не что-то ей противоположное. Его мысли и движения следуют тем же законам, что и движения звезд и атомов. По сравнению с человеком физический мир велик – он больше, чем считали во времена Данте [1 – Данте, Алигьери (1265–1321) – итальянский поэт, автор «Божественной комедии» (1307–1321) и ряда других произведений.]; впрочем, он не так велик, как это казалось еще сто лет назад. Каквширь, так и вглубь, как в большом, так и в малом наука, видимо, достигает пределов. Считается, что Вселенная имеет ограниченную протяженность в пространстве и свет может пропутешествовать вокруг нее за несколько сотен миллионов лет. Считается, что материя состоит из электронов и протонов, которые имеют конечные размеры, и что их число в мире конечно. Вероятно, их движения не непрерывны, как раньше думали, а происходят скачками, каждый из которых не меньше некоторого минимального скачка. Законы этих движений, судя по всему, суммируются в нескольких очень общих принципах, с помощью которых можно рассчитать прошлое и будущее мира, если дана любая малая часть его истории.

Физическая наука, таким образом, приближается к этапу, когда она будет завершена и станет поэтому неинтересной. Если мы знаем законы, управляющие движениями электронов и протонов, то все остальное – просто география, собрание конкретных фактов, говорящих о распределении частиц по каким-то отрезкам мировой истории.

Общее число фактов географии, необходимых для того, чтобы рассчитать мировую историю, видимо, не слишком велико. Теоретически их можно было бы записать в большую книгу, а книгу поместить в Сомерсет Хаусе вместе с вычислительной машиной: поворот рычага позволил бы исследователю найти новые факты, принадлежащие другому времени, нежели то, к которому относятся факты уже зарегистрированные. Трудно представить себе что-либо более скучное и непохожее на ту радость, которую вызывало до недавней поры даже самое небольшое открытие.

Кажется, будто мы штурмуем неприступную гору, но на покоренной вершине работает ресторан, в котором подают пиво и работает радио. Но во времена Ахмеса [2 – Ахмес – писец, составитель так называемого папируса Ахмеса (около 2000 до н. э.) – памятника математической науки Древнего Египта, относящегося к периоду Среднего царства (около 21 – около 18 вв. до н. э.). Папирус Ахмеса хранится в Британском музее в Лондоне. Представляет собой решение 84 задач, имеющих прикладной характер; не содержит ни одного общего правила или теоретического обобщения.] даже таблица умножения, вероятно, вызывала восторг.

Человек тоже частица этого скучного физического мира. Его тело, подобно всей остальной материи, состоит из электронов и протонов, которые, как мы знаем, подчиняются тем же законам, что и электроны и протоны, составляющие животных или растения. Некоторые ученые считают, что физиологию никогда не удастся свести к физике, но их аргументы не очень убедительны – разумнее даже было бы считать их неверными. То, что мы называем «мыслями», зависит, видимо, от организации извилин в мозгу – точно так же, как путешествия зависят от дорог и иных путей сообщения. Явно химического происхождения используемая для мышления энергия. К примеру, недостаток йода в организме превращает разумного человека в идиота.

Феномены сознания, вероятно, связаны с материальной структурой. Если это так, то единственный электрон или протон не могут «мыслить» – точно так же, как один человек не может сыграть футбольный матч. У нас нет также оснований полагать,

что индивидуальное мышление продолжает существовать после смерти тела, ведь смерть разрушает организацию мозга и рассеивает потребляемую извилинами энергию.

Бог и бессмертие – эти центральные догмы христианской религии – не находят поддержки в науке. Нельзя сказать, что они существенны для религии вообще, поскольку в буддизме их нет. (Что касается бессмертия, это суждение может показаться неточным, но по существу оно правильно.) Однако на Западе их привыкли считать обязательным минимумом теологии. Люди будут и впредь верить в бога и бессмертие, потому что это приятно – так же приятно, как считать самих себя добродетельными, а врагов своих погрязшими в пороках. Но, по-моему, эти догмы необоснованны. Не знаю, смогу ли я доказать, что бога нет или что сатана – это фикция. Христианский бог, быть может, и существует, а может быть, существуют боги Олимпа, Древнего Египта или Вавилона. Но каждая из этих гипотез не более вероятна, чем любая другая: они даже не могут быть отнесены к вероятностному знанию; поэтому нет смысла их вообще рассматривать. Я не буду входить в детали, так как уже разбирал этот вопрос в другой работе.

Вопрос о личном бессмертии носит несколько иной характер, и здесь можно найти свидетельства в пользу различных мнений. Люди принадлежат окружающему нас миру, с которым имеет дело наука, и факторы, определяющие их существование, можно легко обнаружить. Капля воды не бессмертна, она разлагается на кислород и водород. Поэтому, если бы капля воды считала, что обладает неким свойством водянистости, которое сохраняется после ее разложения, мы, наверное, отнесли бы к этому екептически. Подобно этому, мы знаем, что мозг не бессмертен и что организованная энергия живого тела как бы уходит после смерти и становится непригодной для действия. Все свидетельствует о том, что наша умственная жизнь связана с мозговой структурой и организованной телесной энергией. Разумно было бы предположить поэтому, что когда прекращается жизнь тела, вместе с ней прекращается и умственная жизнь. Данный аргумент апеллирует к вероятности, но в этом он ничем не отличается от аргументов, на которых строится большинство научных заключений.

Этот вывод может быть оспорен с разных сторон. Психологическое исследование располагает некоторыми данными о жизни после смерти, и с научной точки зрения соответствующая процедура доказательства может быть в принципе корректной. В этой области существуют факты столь убедительные, что ни один человек с научным складом ума не станет их отрицать. Однако несомненность, которую мы приписываем этим данным, основывается на каком-то предварительном ощущении, что гипотеза выживания правдоподобна. Всегда имеется несколько способов объяснения явлений, и из них мы предпочтем наименее невероятное. Люди, считающие вероятным, что мы живем после смерти, готовы и к тому, чтобы рассматривать данную теорию в качестве лучшего объяснения психических явлений. Те же, кто по каким-то причинам считают эту теорию неправдоподобной, ищут других объяснений. По моему мнению, данные о выживании, которые пока что доставила психология, гораздо слабее свидетельств физиологии в пользу противоположной точки зрения. Но я вполне допускаю, что они могут стать сильнее, и тогда не верить в жизнь после смерти было бы ненаучно.

Выживание после смерти тела, однако, отличается от бессмертия и означает лишь отсрочку психической смерти. А люди хотят верить именно в бессмертие. Верующие в него не согласятся с физиологическими аргументами, вроде тех, что я приводил, – они скажут, что душа нечто совсем иное, чем ее эмпирическое проявление в наших телесных органах. Думаю, что это – метафизический предрассудок. Сознание и материя – удобные в некоторых отношениях термины, но никак не последние реальности. Электроны и протоны, как и душа, – логические фикции, которые имеют свою историю и представляют собой ряды событий, а не какие-то неизменные сущности. Что касается души, это доказывают факты развития. Любой человек, наблюдающий рождение, выкармливание и детство ребенка, не может всерьез утверждать, что душа есть нечто неделимое, прекрасное и совершенное на всем протяжении процесса. Очевидно, что душа развивается подобно телу и берет что-то и от сперматозоида, и от яйцеклетки. Так что она не может быть неделимой. И это не материализм, а просто признание того факта, что все интересное в мире – вопрос организации, а не первичной субстанции.

Чтобы доказать бессмертие души, метафизики выдвигают бесчисленные аргументы.

Есть одно простое возражение, которое их опровергает. Они доказывают, что душа

Бертран Рассел Во что я верю filosoff.org

стремится заполнить все пространство, – но ведь мы не стремимся к полноте так же страстно, как к тому, чтобы жить вечно. И никто из метафизиков не замечал этой стороны своих рассуждений – пример поразительной силы желания, ослепляющего даже очень способных людей и заставляющего их совершать очевидные ошибки. Не думаю, что идея бессмертия вообще возникла бы, если бы мы не боялись смерти.

В основе религиозных догм, как и в основе многого другого в человеческой жизни, лежит страх. Страх перед человеческими существами (индивидуальный или групповой) во многом управляет нашей общественной жизнью, однако религию порождает страх перед природой. Различие ума и материи является, видимо, иллюзорным; но есть другое, более важное, различие – между вещами, на которые можно воздействовать, и вещами, на которые воздействовать невозможно. Граница между теми и другими не является ни вечной, ни непреодолимой – с развитием науки все больше вещей подпадают под власть человека. Тем не менее что-то все время остается по ту сторону границы, например все великие факты нашего мира, которыми занимается астрономия. Только событиями на поверхности Земли или рядом с ней мы можем как-то управлять, хотя и здесь наши возможности очень ограничены. И не в нашей власти предотвращать смерть; мы можем только отсрочить ее.

Религия пытается преодолеть эту антитезу. Если миром управляет бог, а бога можно тронуть молитвой, то и люди наделены всемогуществом. Раньше в ответ на молитву свершались чудеса. Они до сих пор случаются в католической церкви, а вот у протестантов этого больше нет. Однако можно обойтись и без чудес, ибо провидение предписало действию природных законов производить наилучшие результаты. Таким образом, вера в бога все еще служит очеловечению природного мира – люди думают, что силы природы им друзья – Подобно этому, вера в бессмертие рассеивает ужас перед смертью. Люди, верующие в вечное блаженство, скорее всего, будут относиться к смерти без страха; к счастью для медиков, это происходит не всегда.

Однако если вера и не избавляет от страха полностью, то она немного утешает людей.

Религия, имея своим источником страх, возвысила некоторые его проявления и заставила думать, что в них нет ничего позорного. Этим она оказала человечеству плохую услугу: всякий страх является злом. Думаю, что когда я умру, то превращусь в труху, и ничего от моего «я» не останется. Я уже не молод и люблю жизнь. Но я бы не стал унижаться и дрожать от страха при мысли о смерти. Счастье не перестает быть счастьем, когда оно кратко, а мысли и любовь не лишаются своей ценности из-за того, что преходящи. Многие люди держались с достоинством на эшафоте; эта гордость должна научить нас видеть истинное место человека в мире.

Даже если ветер, ворвавшийся в распахнутые окна науки, заставляет нас поначалу дрожать, после уютного домашнего тепла традиционных гуманных мифов, в конце концов прохлада все же приносит бодрость, а открывающиеся перед наукой просторы великолепны.

Одно дело – философия природы, совершенно другое – философия ценностей. Когда их смешивают, ничего, кроме вреда, из этого не выходит. То, что мы считаем добром, что соответствует нашим желаниям, не имеет никакого отношения к тому, что есть на самом деле, – последний вопрос задает только философия природы. С другой стороны, нельзя запретить что-либо оценивать на том основании, что нечеловеческий мир этого не оценивает; нельзя также заставить восхищаться чем-то потому лишь, что это некий «закон природы». Мы, несомненно, часть природы, породившей наши желания, наши надежды и страхи – по законам, до которых физики только начинают добираться. В этом смысле мы дети природы, мы подчинены природе, мы порождение природных законов, а в конечном счете – их жертва.

Философия природы не должна быть слишком земной, для нее Земля – лишь одна из малых планет, вращающаяся вокруг одной из малых звезд Млечного Пути. Нелепо понуждать философию природы к выводам, которые ублажали бы крошечных паразитов, населяющих эту незначительную планету. Философия витализма и эволюционизм выказывают в этом отношении недостаток чувства пропорции и логической сообразности. Они полагают, что интересные лично нам явления жизни имеют не земное, а космическое значение. Оптимизм и пессимизм, в качестве «космических» философий, страдают тем же наивным гуманизмом. Великий мир, насколько мы его знаем, ни добр, ни зол, и он не заботится о нашем счастье или несчастье. Все философии такого рода вырастают из самомнения, и элементарные астрономические данные подействовали бы на них самым отрезвляющим образом.

В философии ценностей ситуация противоположная. Природа – лишь часть того, что можно вообразить. Люди оценивают все, что существует реально или в воображении, и нет никакого внешнего стандарта, который показал бы ошибочность этих оценок.

Они сами последние и непогрешимые арбитры, ведь природа является лишь частью мира ценностей, и здесь мы превосходим ее в величии. В мире ценностей природа сама по себе нейтральна, она ни добра, ни зла, не заслуживает ни восхищения, ни порицания. Ценности создаются нами: именно наши желания придают ценность чему-либо. В этом королевстве царит человек, и он унизил бы свое царское достоинство, склонившись перед природой. Что такое благо, следует определить не для природы, пусть даже она выступает в божьем обличье, а для самих себя.

2. Благая жизнь

В различные времена и у разных народов взгляды на благую жизнь отличались.

Иногда вопрос о благе является спорным – например, когда люди расходятся в мнениях о том, какими средствами должна быть достигнута какая-нибудь цель.

Некоторые люди считают верным средством предотвращения преступления тюрьму, другие полагают, что лучшее средство – образование. О том, что лучше, можно судить, имея достаточное количество фактических данных. Но некоторые вопросы не поддаются проверке. Толстой осуждал всякую войну; другие считали, что солдат, воюющий за правое дело, ведет весьма достойную жизнь. Вероятно, здесь налицо реальное различие в целях. Те, кто восславляют солдата, обычно также полагают, что наказание грешников – благо. Толстой так не думал. О подобных вещах вообще трудно спорить. Я не способен поэтому доказать, что мои воззрения на благую жизнь верны, а могу только высказать их и надеяться, что многие люди с ними согласятся. На мой взгляд, благая жизнь – это жизнь, вдохновляемая любовью и направляемая знанием. И знание и любовь бесконечны. Следовательно, какой бы благой ни была жизнь, она может быть еще лучше. Ни любовь без знания, ни знание без любви не могут привести к благой жизни. В средние века, когда в стране появлялась чума, священнослужители советовали собираться в церквях и молиться об избавлении. В результате инфекция распространялась среди молящихся с чрезвычайной быстротой. Это – пример любви без знания. Последняя война дает пример знания без любви. В том и другом случае результатом была гибель многих людей.

Хотя необходимы и любовь и знание, любовь в каком-то смысле более фундаментальна: она направляет умных людей на поиски знания, которое помогло бы принести благо любимым. Глупцы довольствуются тем, что им известно, и, несмотря на всю свою благожелательность, могут даже повредить ближнему. Медицина, вероятно, лучший тому пример. Умелый врач для больного полезнее самого преданного друга, а прогресс медицинского знания делает для здоровья общества неизмеримо больше, чем невежественная филантропия. И все же элемент благожелательности важен и здесь, если мы хотим, чтобы выгоду от научных открытий получили не одни только богачи.

Любовь – такое слово, за которым скрываются очень разные чувства; в них следовало бы разобраться. Любовь как эмоция – а именно об этом речь, поскольку любовь «из принципа» не кажется мне подлинной, – движется между двумя полюсами: с одной стороны, это чистая радость созерцания, с другой – чистая благожелательность. Неодушевленные объекты доставляют одну только радость – нельзя быть благожелательным к пейзажу или сонате. Этот тип любования является, по-видимому, источником искусства. Как правило, он сильнее у детей, чем у взрослых, склонных рассматривать предметы с точки зрения их пользы, и играет огромную роль в наших чувствах к людям: в качестве объектов эстетического созерцания одни из них нас очаровывают, другие, напротив, вызывают отвращение.

Другой полюс любви – благожелательность. Люди жертвовали собой, помогая прокаженным, и любовь, которую они при этом испытывали, не могла содержать никакого эстетического наслаждения. Любящие родители обычно радуются, когда их дети хорошо выглядят, однако их чувства к детям неизменны и тогда, когда об этом говорить не приходится. Было бы странно называть чувства матери к больному ребенку благожелательностью, потому что мы привыкли обозначать этим словом

Бертран Рассел Во что я верю filosoff.org
весьма слабую эмоцию, состоящую на девять десятых из притворства. Однако трудно найти какое-то другое слово, чтобы описать желание блага для другого человека.

Это желание может быть сколь угодно сильным в случае родительской любви. В других случаях оно менее интенсивно; весьма вероятно, что всякая альтруистическая эмоция является своего рода всплеском родительской любви, а иногда ее сублимацией. За неимением лучшего слова назову эту эмоцию «благожелательностью». Хочу подчеркнуть, что речь идет именно об эмоции, а не о принципе; я не вкладываю в это слово чувства превосходства, которое иногда с ним ассоциируют. Слово «симпатия» отчасти выражает то, что я имею в виду, однако оно не передает важный в данном случае оттенок – активность.

Любовь в самом полном своем выражении соединяет два взаимосвязанных начала – радость и благожелание. Наслаждение, которое получают родители от красивого и удачного ребенка, соединяет в себе оба начала. То же и с половой любовью, в лучших ее проявлениях. Но в половой любви благожелательность существует лишь при условии полного обладания, в противном случае она разрушается ревностью; впрочем, ревность иногда даже усиливает радость созерцания. Радость без желания блага может быть жестокой, желание блага без радости легко становится холодным и чуть высокомерным. Желаящий любви человек хочет, чтобы она содержала оба начала.

Это не относится к случаям крайней слабости, таким, как детство и серьезная болезнь. И наоборот, в случаях крайней силы нуждаются скорее в восхищении, чем в благожелательности. Так обстоит дело с властителями и красавицами. Мы желаем, чтобы другие люди относились к нам хорошо: пропорционально тому, насколько сами нуждаемся в помощи или опасаемся, что нам будет причинен вред. По крайней мере, такова биологическая логика ситуации – пусть она и не всегда оправдывается в жизни. Мы желаем любви, чтобы избежать чувства одиночества, чтобы быть понятыми.

Это скорее симпатия, а не благожелательность; человек, чувство которого нас удовлетворяет, не просто хорошо к нам относится – он знает, в чем состоит наше счастье. Но это уже принадлежит к другому элементу благой жизни, а именно к знанию.

В совершенном мире каждое существо является для любого другого существа объектом самой полной любви, состоящей из сплавленных воедино радости, благожелательности и понимания. Из этого не следует, что в нашем, действительном мире мы должны стараться испытывать такого рода чувства ко всем существам, которых встречаем.

Многие не вызовут у нас чувства радости, потому что отвратительны. Если мы совершим насилие над своей природой, чтобы увидеть в них красоту, это будет просто притуплением нашей чувствительности к естественно прекрасному. Кроме человеческих существ, есть еще мухи, тараканы и вши. Мы должны быть закалены, как Старый Моряк [3 – «Старый моряк» – поэма английского поэта и философа Сэмюэла Тэйлора Колриджа (1772–1834), опубликованная в 1798 г.] чтобы почувствовать радость от их созерцания. Некоторые святые, правда, называли их «жемчугом божьим», но при этом радовались скорее возможности продемонстрировать собственную святость.

Быть благожелательным к возможно большему числу людей легче, но и благожелательность имеет пределы. Если мужчина хочет жениться, но, обнаружив, что у него есть соперник, добровольно уступает ему место, мы будем очень удивлены: считается, что вопрос о женитьбе – поле честного соперничества. В данном случае, однако, чувства к сопернику не могут быть очень уж благожелательными. Думаю, что во всех описаниях благой жизни здесь, на Земле, мы должны признать в качестве ее подосновы животную витальность и животный инстинкт. Без них жизнь становится серой и неинтересной, и цивилизация должна не подменять их, а скорее служить своего рода дополнением. С этой точки зрения аскетический святой и отрешенный мудрец – уже несовершенные человеческие существа. Когда их немного, они разнообразят общество, но, если бы мир состоял только из них, можно было бы умереть со скуки.

Высказывая эти соображения, мы подчеркиваем значение радости как составной части наилучшей любви. Радость в этом действительном мире неизбежно избирательна, и это спасает от одинаковых чувств ко всем людям. Когда между благожелательностью и радостью возникают конфликты, они должны, как правило, решаться с помощью компромисса, а не через подчинение одного другому. У инстинкта свои права, и, если мы совершаем над ним чрезмерное насилие, он начинает мстить нам исподволь.

Поэтому, стремясь к благой жизни, следует иметь в виду пределы человеческих возможностей. И здесь мы опять наталкиваемся на вопрос о необходимости знания.

Когда я говорю о знании как составной части благой жизни, то имею в виду знание не этическое, а научное – знание конкретных фактов. Не думаю, что такая вещь, как этическое знание, вообще существует. Если мы желаем достигнуть какой-то цели, знание может указать средства ее достижения, и такое знание можно условно назвать этическим. Но я считаю, что мы не способны решить, правильны некоторые действия или неправильны, не обращаясь к их вероятным последствиям. Когда цель поставлена, дело науки – разобраться, какими путями до нее дойти. Все моральные правила проверяются тем, способствуют они достижению желаемых целей или нет. Я говорю именно «желаемых целей», а не «целей, которых мы должны желать». Когда мы «должны» желать, это означает, что от нас чего-то хотят; обычно это люди, наделенные властью, – родители, школьные учителя, полицейские и судьи. Если вы говорите мне «ты должен сделать то-то и то-то», сила ваших слов обусловлена только моим собственным желанием получить от вас одобрение и поощрение и, возможно, избежать наказания. Поскольку всякое поведение возникает из желания, ясно, что этические понятия имеют только то значение, что влияют на желание, причем именно на желание получить одобрение или избежать страха перед неодобрением. Это мощные социальные силы, и мы, естественно, стремимся ими воспользоваться, когда решаем какие-либо социальные задачи. Когда я говорю, что о моральности поведения следует судить по его вероятным последствиям, то имею в виду желательность того, чтобы поведение, которое служит осуществлению желаемых социальных задач, одобрялось, а поведение противоположного характера встречалось неодобрением. Сегодня это не делается – существуют некоторые традиционные правила, согласно которым одобрение и неодобрение санкционируются независимо от учета последствий. Но этой темой мы займемся в следующем разделе.

Поверхностность теоретической этики можно продемонстрировать на самых простых примерах. Предположим, что ваш ребенок болен. Любовь заставляет вас желать, чтобы его вылечили, а наука указывает, как это сделать. Здесь нет какого-то промежуточного звена в виде этической теории, специально доказывающей, что вашего ребенка хорошо было бы вылечить. Ваше действие возникает непосредственно из желания достигнуть цели, а также из знания средств. Это верно в отношении всех действий, хороших и плохих. Цели различаются, и знание может быть более или менее точным. Но нет способа заставить людей делать вещи, которые они не желают делать. Можно изменить их желания какой-то системой поощрений и штрафов, среди которых социальное одобрение и неодобрение играли бы не последнюю роль. Вопрос для моралиста-законодателя, следовательно, в том, как организовать эту систему поощрений и наказаний, чтобы обеспечить максимум желательного для законодательной власти. Если кто-то говорит, что у законодательной власти дурные желания, это означает, что ее желания противоречат желаниям той части общества, к которой этот человек принадлежит. Вне человеческих желаний морального стандарта не существует.

Таким образом, этика отличается от науки не тем, что обладает особым знанием, а просто наличием желания. Знание, в котором нуждается этика, ничем не отличается от любого другого знания; особенность в том, что для нее некоторые цели более желанны, и поэтому этически правильным оказывается такое поведение, которое способствует их достижению. Разумеется, для того чтобы определение морального поведения нашло поддержку, цели должны отвечать желаниям каких-то больших групп людей. Если я скажу, что правильным будет такое поведение, которое увеличит мой доход, читатели вряд ли захотят со мной согласиться. Убедительность любого этического аргумента заключена в его научной части – в доказательстве того, что одни действия, а не другие являются средством достижения желанной для всех цели.

Однако есть различие между этическим доказательством и этическим воспитанием.

Последнее направлено на усиление одних желаний и ослабление других. Это процесс совершенно иного рода, и я разберу его позднее.

Мы можем теперь уточнить смысл того определения благой жизни, с которого я начал данную главу. Когда я сказал, что благая жизнь состоит в любви, направляемой знанием, за этим определением стояло желание самому жить такой жизнью как можно дольше и видеть, как живут ею другие люди. Логическое же содержание моего определения в том, что общество, ведущее такой образ жизни, удовлетворит больше желаний, чем общество, в котором меньше любви или меньше знания. Я не хочу

Бертран Рассел Во что я верю filosoff.org
сказать, что такая жизнь «добродетельна», а противоположная ей жизнь «греховна», ибо эти понятия, на мой взгляд, не имеют научного оправдания.

3. Моральные правила

Практическая нужда в морали возникает вследствие конфликта желаний различных людей или конфликта желаний в одном человеке, появляющихся в разное время или даже одновременно. Человеку хочется выпить, и в то же время он хочет не потерять работоспособность на следующий день. Если он выбирает линию поведения, не позволяющую ему удовлетворять максимум возможных желаний, мы считаем его аморальным. Мы осуждаем людей экстравагантных или безрассудных, даже если они не причиняют вреда никому, кроме самих себя. Бентам полагал, что всю мораль можно вывести из «просвещенного эгоистического интереса» и что человек, неизменно поступающий так, чтобы максимально удовлетворить свои желания, в конечном счете всегда ведет себя правильно. Я не могу согласиться с этим. Тираны получали утонченное наслаждение, наблюдая пытки, но я не одобряю их действия, несмотря на то что они из благоразумия сохраняли жизнь своим жертвам, дабы на следующий день мучения могли быть продолжены. Хотя при прочих равных условиях благоразумие – составная часть благой жизни. Даже у Робинзона Крузо была возможность проявлять предприимчивость, самоконтроль и предвидение, которые следует признать моральными качествами, поскольку они увеличивали сумму его удовлетворенных желаний, никому при этом не причиняя вреда. Благоразумие играет большую роль в воспитании детей, не склонных много размышлять о будущем. Если бы оно больше практиковалось, мир очень скоро превратился бы в рай: войны, вызываемые страстью, а не разумом, можно было бы предотвращать. Однако, несмотря на важную роль, которую играет благоразумие, это не самое интересное в морали.

Благоразумие не ставит интеллектуальных вопросов, поскольку не обращено к тому, что выходит за рамки эгоистического интереса.

Мораль, не сводящаяся к благоразумию, в сущности, аналогична закону или правилам клуба, которые позволяют людям жить вместе, несмотря на то что их желания могут противоречить друг другу. Здесь имеются два очень разных метода. Существует метод уголовного права, нацеленный на чисто внешнюю гармонию и устанавливающий неблагоприятные последствия для действий, ущемляющих в чем-либо желания других людей. Сюда относится также метод социальной цензуры: иметь дурное мнение сообщества о себе – это форма наказания, и чтобы избежать его, большинство людей скрывают, что они нарушили кодекс своей группы. Но существует и другой метод, более фундаментальный и в случае успеха гораздо более удовлетворительный: изменение человеческих характеров и желаний в таком направлении, чтобы уменьшить количество случаев конфликтов, сделать так, чтобы желания одного человека находились в согласии, насколько это возможно, с желаниями других. Любовь лучше ненависти именно потому, что вносит в желания людей гармонию, а не конфликт.

Люди, которые любят друг друга, вместе добиваются успеха и вместе терпят неудачу. Но когда люди ненавидят, успех любого из них является неудачей для другого.

Если благая жизнь действительно вдохновляется любовью и направляется знанием, ясно, что моральный кодекс любого сообщества не самодостаточен и не представляет собой истины в последней инстанции. Следует испытать его, чтобы убедиться, что он не таков, как это предписывают мудрость и благожелательность. Моральные принципы не всегда безупречны. Ацтеки считали своим нелегким долгом поедать человеческую плоть, опасаясь, что в противном случае померкнет Солнце. Они ошибались и, наверное, увидели бы эту ошибку своей науки, если бы хоть немного любили своих жертв. Некоторые племена держат в темноте девушек в возрасте от 10 до 17 лет, из опасения, что от лучей Солнца те забеременеют. Но неужели в наших современных моральных кодексах нет ничего похожего на эти дикие обычаи?

Запрещаем ли мы только те вещи, которые действительно вредны, или, во всяком случае, столь отвратительны, что ни один достойный человек не станет их защищать? Не очень уверен, что это так.

Нынешняя мораль представляет собой любопытную смесь утилитаризма и суеверий, причем последние имеют большую силу, и это естественно, поскольку именно суеверия являются источником моральных правил. Когда-то считалось, что некоторые

Бертран Рассел Во что я верю filosoff.org

действия не нравятся богам, и они запрещались законом, так как божий гнев имел обыкновенное обрушиваться на всех, не ограничиваясь виновными. Так возникло понятие о грехе, как о том, что не нравится богу. Нет никакого разумного объяснения, почему некоторые действия стали считаться нежелательными. Например, очень трудно понять, почему богу неприятно, когда кожу ребенка помажут материнским молоком. Но в писании содержится именно такое откровение. Иногда веления бога толковали самым удивительным образом. Например, нам говорят не работать по субботам. Протестанты истолковывают это в том смысле, что мы не должны по воскресеньям играть. И этот запрет, подобно первому, освящается той же верховной властью.

Понятно, что человек с научным взглядом на мир не даст себя запугать текстами писания или церковным учением и не поверит, когда ему скажут: «Такое-то действие греховно, и все тут». Он заинтересуется, приносит ли это действие вред или же, наоборот, вредна вера в его греховность. И обнаружит – особенно в том, что касается взаимоотношений полов, – что наша нынешняя мораль в значительной мере опирается на предрассудки. Он обнаружит также, что эти предрассудки, как у ацтеков, излишне жестоки, и от них следовало бы избавиться, если бы люди руководились добрыми чувствами к своим ближним. Однако у защитников традиционной морали редко бывают добрые сердца, что видно из той любви к милитаризму, которую выказывают церковные сановники. Возникает подозрение, что для них ценность морали в узаконивании их собственного желания причинять другим людям боль.

Грешник – законная добыча, и потому долой терпимость!

Посмотрим на обычную человеческую жизнь – от зачатия до могилы. В какие ее моменты основанная на предрассудке мораль вызывает ненужное страдание?

Начну с зачатия, потому что здесь влияние предрассудка особенно заметно. Если родители не женаты, на ребенке будет лежать ничем не заслуженное клеймо позора.

Если у кого-то из родителей венерическая болезнь, ребенок, скорее всего, унаследует ее. Если в семье слишком много детей, то результатом будут бедность, недоедание, теснота, часто кровосмешение. И все же большинство моралистов согласны в том, что родителям лучше не знать о том, как избежать всего этого, используя средства предотвращения рождаемости. И чтобы сделать приятное этим моралистам, миллионы человеческих существ обречены на жизнь столь мучительную, что лучше было бы им вовсе не появляться на свет. Полагают, что связь порочна, если не сопровождается желанием иметь потомство, и беспорочна, если это желание налицо – даже в том случае, когда очевидно, что ребенок родится калекой. Быть внезапно убитым и затем съеденным – гораздо менее жестокая судьба, чем судьба ребенка, родившегося в нищете и страдающего венерической болезнью. Однако эти мучения причиняются епископами и политиками намеренно и во имя морали. Если бы у них в душе теплилось хоть малейшее чувство любви или жалости к детям, они не стали бы исповедовать этот дьявольски жестокий моральный кодекс.

При рождении и в раннем детстве ребенок больше страдает по причинам экономического порядка, чем из-за суеверий. У обеспеченных матерей лучшие врачи, лучшие няньки, лучшая диета, лучший отдых и лучший моцион. У женщин, принадлежащих к рабочему классу, нет этих преимуществ, и часто их дети из-за этого умирают. Власти очень мало заботятся о матерях, а то, что делают, делают неохотно. В то время как молоко для кормящих матерей сводится до минимума, власти тратят огромные суммы денег на мощение улиц с незначительным движением, на которых живут богачи. Они знают, что тем самым обрекают какое-то число детей рабочих на смерть, в наказание за их бедность. И однако же подавляющее большинство религиозных деятелей поддерживают правящие партии. Во главе с папой они собрали во всем мире огромные силы суеверия, чтобы выступить на стороне социальной несправедливости.

Влияние предрассудка губительно и на всех ступенях образования. Некоторые дети имеют привычку мыслить – одна из целей образования состоит в том, чтобы избавить их от нее. Неудобные вопросы замалчиваются, за них даже наказывают. Коллективные эмоции используются для того, чтобы привить нужные взгляды, особенно националистического толка. Капиталисты, милитаристы и церковники сотрудничают в деле образования, потому что всем им выгодно, чтобы у людей развивалось эмоциональное отношение к действительности, а не критическое мышление. С помощью худших черт человеческой природы образование потворствует наклонностям среднего человека и даже усиливает их.

Предрассудок вредит образованию и тем, что влияет на подбор учителей. По соображениям выгоды считается, что женщина-учитель не должна быть замужем. По моральным соображениям у нее не должно быть внебрачных связей. Однако все, кто взял на себя труд ознакомиться с психопатологией, знают, что пролонгированная девственность, как правило, чрезвычайно вредна для женщин – настолько вредна, что в здравомыслящем обществе ее ни в коем случае не стали бы поощрять в учителях. Ограничения все чаще и чаще приводят к тому, что энергичные и предприимчивые женщины отказываются от профессии учителя. Все это – следствие затянувшегося влияния суеверного аскетизма.

В школах, где учатся дети, принадлежащие к среднему и высшему классу, дела обстоят еще хуже. Там ведутся церковные службы, и забота о морали находится в руках священников, которые почти всегда оказываются плохими воспитателями, так как, во-первых, порицают поступки безвредные и, во-вторых, прощают поступки, наносящие огромный вред. Все они осуждают отношения между не состоящими в браке людьми, которые привязаны друг к другу, но пока не уверены, что хотели бы жить вместе всю жизнь. Большинство церковников выступают против контроля над рождаемостью. Но никто из них не осуждает зверство мужчины, который убивает свою жену, заставляя ее слишком часто рожать. Я знал одного модного священника, жена которого родила за девять лет девятерых детей. Врачи предупредили его, что если у женщины будет еще один ребенок, то она умрет. На следующий год у нее родился еще один ребенок, и она умерла. Никто не стал осуждать мужа: он остался при своем сани и вновь женился. Пока священники прощают жестокость и осуждают радость в человеческих отношениях, морали молодых людей будет наноситься только вред.

Другим отрицательным следствием предрассудка является отсутствие полового воспитания. О главных физиологических фактах следует говорить просто и естественно, еще до того, как наступает половое созревание, вызывающее у детей нездоровое возбуждение. С наступлением половой зрелости следует преподавать элементы морали, которая не была бы основана на предрассудках. Юношам и девушкам нужно внушить, что половая связь оправдана только в том случае, если есть обоюдная склонность. Это противоположно учению церкви, которая учит, что, если люди состоят в браке и мужчина желает еще одного ребенка, его желание оправданно, независимо от того, насколько сильно ему противится женщина. Юношей и девушек следует учить уважению к личной свободе, они должны понять, что человеческое существо не имеет никаких прав на другое человеческое существо и что ревность и чувство собственности убивают любовь. Их нужно учить тому, что рождение ребенка – очень серьезное дело, и решиться на него можно только тогда, когда у ребенка есть перспектива здоровой, обеспеченной жизни и родительской заботы. Их следует также обучить методам контроля над рождаемостью, чтобы дети рождались только в том случае, когда родители хотят этого. Наконец, им нужно рассказать об опасностях венерических болезней и способах их предотвращения и лечения. От воспитания, не уклоняющегося от решения этих вопросов, можно ожидать очень многого для человеческого счастья.

Важно также понять, что, когда детей нет, отношения мужчин и женщин – это их личное дело, не касающееся ни государства, ни соседей. Некоторые формы половых отношений, не приводящие к рождению детей, в настоящее время наказуемы в уголовном порядке: это безусловный предрассудок, поскольку такие вещи касаются только тех, кто вступает в эти отношения. Когда есть дети, ошибочно полагать, что в интересах последних полезно в любых случаях затруднять развод. Постоянное пьянство, жестокость, сумасшествие – основания, по которым развод так же необходим для детей, как и для родителей. Неразумно было бы придавать сегодня особое значение супружеской измене. Очевидно, что многие другие формы поведения более губительны для семейного счастья, чем случайная неверность. Требование мужчин, чтобы жены рожали по ребенку в год, которое не считается отклонением или жестокостью, – самая губительная из этих форм.

Моральные правила не должны мешать инстинктивному счастью. Однако именно это происходит в результате строгой моногамии в обществе, где количество мужчин и женщин неодинаково. Конечно, в таких условиях моральные правила нарушаются. Но если правила значительно уменьшают уровень счастья в сообществе, если лучше их нарушать, чем соблюдать, то очевидно, что их пора изменить. Пока это не сделано, многие люди, поступки которых не противоречат общественным интересам, вынуждены выбирать в качестве альтернативы лицемерие или позор. Церковь не возражает против лицемерия, лгательно признающего ее власть, однако для всех остальных

Бертран Рассел Во что я верю filosoff.org
лицемерие – зло, и его не следовало бы так легко причинять людям.

Еще более вреден предрассудок национализма, долга перед своим – и никаким другим – государством. Но я не хотел бы обсуждать здесь данный вопрос. Укажу лишь, что довольствоваться только своими согражданами противно принципу любви, составляющему, как мы видели, благую жизнь. Это, несомненно, противоречит и просвещенному эгоистическому интересу, поскольку узкий национализм не идет на пользу даже нациям-победителям.

Наше общество страдает от теологического понятия «греха» и в том случае, когда последнее влияет на обращение с преступниками. Рациональная мораль не может согласиться со взглядом, что преступники «порочны» и потому «заслуживают» наказания. Безусловно, некоторые люди совершают вещи, которые обществу нежелательны, и оно вправе предотвращать их по мере возможности. Возьмем убийство, как самый очевидный пример.

Ясно, что, если общество хочет быть сплоченным, а люди желают пользоваться преимуществами и удовольствиями, возможность которых оно создает, нельзя разрешать им убивать друг друга по первому побуждению. Но давайте подойдем к проблеме с научной точки зрения и просто спросим: какой метод предотвращения убийства является наилучшим? Из двух одинаково эффективных методов следует предпочесть тот, который причиняет убийце наименьший вред. Ведь об этом вреде можно только сожалеть, как о боли, вызываемой хирургической операцией. Вред может быть столь же необходим, как и боль, но радоваться здесь нечему.

Мстительное чувство, называемое «моральным негодованием», является просто формой жестокости, а понятие карающего возмездия никак не оправдывает страдания, которые испытывает преступник. Если образование и доброе отношение столь же эффективны, их следует предпочесть наказанию. Тем более их следует предпочесть, когда они эффективнее последнего. Конечно, предотвращение преступления и его наказание – вещи разные.

Цель наказания, видимо, состоит в том, чтобы вызвать страх перед болью. Если бы тюрьмы были гуманны и заключенный мог бесплатно получать образование, то преступления совершались бы ради успешного прохождения вступительных экзаменов.

Конечно, тюрьма – это не свобода, и находиться в ней не слишком приятно. Но чтобы в тюрьме стало хуже, чем на свободе, необходимо добиваться улучшения самой свободы. У меня нет желания обсуждать реформу уголовного права. Я просто предложил бы обращаться с преступниками так же, как обращаются с больными чумой.

И те и другие опасны для общества, и их свободу следует ограничивать до тех пор, пока она не перестанет представлять опасность. Человеку, страдающему от чумы, симпатизируют и сочувствуют, в то время как преступника проклинают. Весьма неразумно. Именно из-за этого наши тюрьмы гораздо менее успешно исправляют преступные наклонности, чем клиники вылечивают болезни.

4. Спасение: индивидуальное и социальное

Одним из недостатков традиционной религии является ее индивидуализм, и этот изъян присущ также связанной с нею морали. По традиции религиозная жизнь была чем-то вроде диалога между душой и богом. Подчинение воле божьей считалось добродетелью, и последняя была доступна каждому отдельному человеку, независимо от состояния общества. Протестантские секты развили идею «спасения» – всегда, впрочем, присутствовавшую в христианском учении. Индивидуализм представлял ценность на определенных этапах истории, но в современном мире мы нуждаемся скорее в социальной, чем в индивидуальной концепции блага. Давайте посмотрим, что следует из этого для концепции благой жизни.

Христианство возникло в Римской империи среди народов, лишенных политической власти. Разрушенные национальные государства слились в огромный безличный конгломерат, и на протяжении первых трех столетий христианской эры люди, принявшие христианство, не могли изменить социальных и политических институтов, под властью которых жили, хотя были глубоко убеждены в их порочности.

Естественно, в этих условиях возникла вера, что отдельный человек может стать

Бертран Рассел Во что я верю filosoff.org

совершенным и в несовершенном мире и что благая жизнь не имеет с этим миром ничего общего. Возьмем платоновское «Государство» [4 – «Государство» – один из диалогов Платона, где философ развивает свои общественно-политические взгляды. Непосредственной проблемой, обсуждаемой в диалоге, является понятие справедливости. Что такое справедливость? Есть ли какой-то принцип, лежащий в основе морали? С точки зрения Платона, мораль и справедливость состоят в том, чтобы люди выполняли свое назначение, вносили свой вклад в жизнь рационально организованного общества, развивали свои врожденные способности к какому-нибудь делу до высшей степени совершенства.]. Когда Платон описывал благую жизнь, то имел в виду не индивида, но все общество в целом, и делал это для того, чтобы определить справедливость, которая по сути – концепция социальная. Для него гражданское состояние республики было привычным, а политическая ответственность – чем-то само собой разумеющимся. С утратой греческой свободы связано возникновение стоицизма, который, подобно христианству и в отличие от Платона, проповедовал индивидуалистическую концепцию благой жизни.

Мы живем в демократическом обществе и поэтому находим более подходящую мораль в свободных Афинах, а не в деспотичном имперском Риме. В Индии, стране с политической ситуацией, очень напоминающей Иудею времен Христа, мы видим Ганди [5 – Ганди, Мохандас Карамчанд (1869–1948) – один из руководителей национально-освободительного движения Индии. Проповедовал принцип ненасилия, точнее «ненасильственного сопротивления» (сатьяграха). Упорство в истине – буквальный перевод сатьяграха – означает путь морального усовершенствования, понимаемого как любовь, страдание, самопожертвование.] проповедующего весьма близкую к христианству мораль. И мы обнаруживаем, что его преследуют за это христианизированные преемники Понтия Пилата [6 – Понтий Пилат – римский прокуратор Иудеи в 26–36 гг. н.э. По преданию, именно он приговорил Иисуса Христа к распятию. Это, впрочем, оспаривается рядом авторов.]. Однако индийские националисты более крайнего толка не довольствуются индивидуальным спасением: они хотят спасения национального. В этом они восприняли взгляды свободных демократий Запада. Я хотел бы обратить внимание на некоторые стороны этих взглядов, которые, все еще находясь под влиянием христианства, остаются несмелыми, застенчивыми – им все еще мешает вера в индивидуальное спасение.

Благая жизнь, как мы ее себе представляем, предполагает множество социальных предпосылок и без них неосуществима. Благая жизнь, говорили мы, – это жизнь, вдохновляемая любовью и руководимая знанием. Необходимое для нее знание может существовать только там, где правительства или миллионеры проявляют заботу о науке и ее применении. К примеру, сегодня вызывает тревогу рост раковых заболеваний – как мы можем ему воспрепятствовать? Ответить на этот вопрос пока никому, поскольку нужного знания нет. И оно может появиться лишь в результате значительной финансовой поддержки научных исследований в этой области. Кроме того, наука, история, литература и искусство должны быть доступны всем, кто ими интересуется; и это требует не религиозных проповедей, а значительных усилий со стороны властей. Наконец, есть внешняя торговля, без которой половине населения Великобритании пришлось бы голодать, а если мы будем голодать, очень немногие смогут жить благой жизнью. Нет нужды умножать примеры. Важно, что при всех различиях между благой жизнью и жизнью неблагой мир остается единым, и человек, делающий вид, что живет независимо от него, является – сознательно или неосознанно – просто паразитом.

Идея индивидуального спасения, которой ранние христиане утешали себя за политическое угнетение, становится невозможной, как только мы выходим за рамки узкой концепции благой жизни. Согласно ортодоксальному христианскому взгляду, благая жизнь – это жизнь добродетельная: добродетель состоит в подчинении воле божьей, а волю божью каждый человек слышит в голосе совести.

Человек в этой концепции – это человек, который угнетен чуждой деспотией. Ведь благая жизнь включает кроме добродетели и многие другие вещи – к примеру, ум. А совесть очень ненадежный советчик, поскольку состоит из смутных воспоминаний о наставлениях, услышанных в ранней юности; и она никогда не бывает умнее няньки или матери. Чтобы жить благой жизнью в полном смысле слова, человек должен быть хорошо образован, должен иметь друзей, любовь, детей (если он их хочет), определенные материальные средства, предохраняющие от нужды и серьезного беспокойства, он должен быть здоров и заниматься интересным делом. Все эти вещи в той или иной мере зависят от общества, и политические события способствуют или затрудняют обладание ими. Благая жизнь существует лишь в благом обществе, а вне его в полной мере невозможна.

В этом смысле аристократический идеал имеет серьезный изъян. Некоторые благие вещи, такие, как искусство, наука и дружба, вполне могут процветать в аристократическом обществе. Они существовали в Греции на базе рабства, сегодня они существуют среди нас на базе эксплуатации. Но любовь – в форме симпатии или благожелательности – не может быть свободной в аристократическом обществе.

Аристократ убежден, что раб, пролетарий или цветной человек сделаны из второсортного материала, а страдания их не имеют никакого значения. В настоящее время лощеные английские джентльмены столь жестоко избивают африканцев, что те умирают через несколько часов после невыносимых мучений. Даже если эти джентльмены хорошо образованны, наделены тонким художественным вкусом и прекрасные собеседники, вряд ли можно сказать, что они ведут благую жизнь.

Человеческая природа, конечно, не позволяет проявлять симпатию ко всем, но в обществе, где сильны демократические унастроения, только маньяки стали бы так себя вести. Проявление чувства симпатии у аристократов доходит до того, что они ее вовсе отбрасывают. Спасение – это тоже аристократический идеал, потому что носит индивидуальный характер. По той же причине идея личного спасения, как бы ее ни интерпретировали и ни расширяли, не может войти в определение понятия благой жизни.

Еще одной отличительной чертой спасения является то, что оно происходит в результате некоторого революционного изменения, подобного обращению святого Павла [7 – Святой Павел (умер около 65 н.э.) – один из евангельских апостолов. Вначале был ревностным гонителем христиан, но затем, воочию увидев Христа, перешел в христианство и сменил имя Савл на Павел. История обращения Павла описана в Деяниях апостолов.]. Поэмы Шелли [8 – Шелли, Перси Биши (1792–1822) – английский поэт-романтик, автор поэм «Королева Маб» (1813), «Восстание ислама» (1818), драмы «Освобожденный Прометей» (1820), трагедии «Ченчи» (1819), замечательных лирических стихотворений. Написал также трактат «Защита поэзии» (издан в 1822). Шелли считают выразителем идей утопического социализма в поэзии.] содержат иллюстрацию этой концепции, когда она принимается обществом. Настает час, когда все люди обращены, «вожди» бегут и «мир вступает в новую эру». Могут сказать, что поэт – личность незначительная, идеи его не имеют последствий. Но я убежден, что немало революционеров придерживались взглядов, весьма схожих со взглядами Шелли. Они думали, что в нищете, жестокости и деградации виновны тираны, священники, капиталисты или немцы, и если эти источники зла уничтожить, все люди изменятся к лучшему и для всех и навсегда наступит счастливая жизнь. Придерживаясь такого воззрения, они желали начать войну, «которая положила бы конец всем войнам». Относительно удачливыми из них оказались те, кто потерпел поражение или погиб. Те, кому не повезло, победили и стали циничными и отчаявшимися людьми, а все их радужные мечты потерпели крах. Источником же их надежд в конечном счете была христианская доктрина всеобщего и полного обращения как пути к спасению.

Я не хочу сказать, что перевороты никогда себя не оправдывают, однако они – не самый короткий путь к золотому веку. Нет пути напрямик к благой жизни, будь то жизнь индивидуальная или социальная. Чтобы построить ее, мы должны сформировать у людей ум, самоконтроль и симпатию. Это вопрос количества, постепенного улучшения, многолетних занятий с раннего возраста, воспитательного эксперимента.

Вера в возможность мгновенного улучшения зиждется только на нетерпении. О возможности постепенного улучшения и его методах скажет свое слово наука будущего. Но кое-что мы знаем и сегодня. Частично я затрону данный вопрос в заключительной главе.

5. Наука и счастье

Цель моралиста заключается в том, чтобы улучшить человеческое поведение.

Стремление к этому похвально, поскольку поведение людей по большей части вызывает сожаление. Но ни отдельные улучшения, которые моралист предлагает, ни выбираемые им методы похвалы не заслуживают. Показной метод – моральное увещевание; реальный – система экономических поощрений и наказаний (если моралист ортодоксален). Первый не воздействует ни на что постоянное или важное –

Бертран Рассел Во что я верю filosoff.org
влияние «возрожденцев», начиная с Савонаролы^{[9} – Савонарола, Джироламо (1452–1498) – итальянский монах и религиозно-политический реформатор. Выступал против папства, церковных богатств, пышности католических обрядов. Захватив власть во Флоренции в 1494 г., Савонарола установил жесткий контроль за поведением граждан, организовал сожжение предметов «суевого» искусства (были уничтожены некоторые произведения Данте, Боккаччо, Петрарки). В 1497 году отлучен от церкви, а в 1498 году – сожжен. Автор многочисленных моральных эссе, теологических произведений, нескольких поэм и политического трактата об управлении Флоренцией.] всегда было очень поверхностным. Воздействие же поощрений и наказаний весьма значительно. Мужчину, например, они заставляют предпочитать случайных проституток более или менее постоянной любовнице, потому что это легче скрыть, и, таким образом, способствуют распространению этой очень опасной профессии и венерических болезней. Моралист не ставит своей целью достижение этих результатов, однако он и не замечает, чего в действительности добивается. Нет ли чего-нибудь лучше этой смеси проповеди и подкупа? Думаю, что есть.

Действия наносят вред вследствие людского невежества или злой воли. «Злые» желания с социальной точки зрения можно определить как такие, которые, скорее всего, будут мешать выполнению желаний других людей, или, точнее, как такие, из-за которых больше желаний будет подавлено, чем реализовано. Нет нужды разбирать вред от невежества: все, что здесь нужно, это побольше знания, так что путь к совершенствованию пролегает через науку и образование. Не столь ясен вопрос о вреде, наносимом «злыми» желаниями.

В людях обычно есть определенная доля недоброжелательства, проявляющегося и по отношению к врагам, и в повсеместном безличном удовольствии от чужих неудач.

Принято обставлять это красивыми фразами – половина расхожей морали скрывает за собой недоброжелательство. И с этим надо считаться, если моралист хочет добиться своего и улучшить человеческое поведение. Недоброжелательство проглядывает из тысячи щелей, широких и узких: в гнусной ухмылке, с которой люди рассказывают о скандалах и готовы верить сплетням; в дурном обращении с преступниками, вопреки ясно доказанной истине, что лучшее обращение принесло бы лучшие результаты в деле их перевоспитания; в невероятном варварстве, с которым белая раса относится к неграм; и в том плохо скрываемом удовольствии, с которым старые леди и священники твердили во время войны о долге молодых людей взять в руки оружие.

Даже дети могут быть объектом бессмысленной жестокости: Давид Копперфилд и Оливер Твист – персонажи отнюдь не вымышленные. Активное недоброжелательство – худшая черта человеческой природы, и именно ее более всего необходимо изменить, если мы хотим, чтобы мир стал счастливее. Быть может, одна эта причина влияет на возникновение войн больше, чем все экономические и политические причины, вместе взятые.

Итак, каким образом мы будем решать эту проблему, предупреждать недоброжелательство? Прежде всего попытаемся понять его причины. Думаю, что они отчасти социальные, а отчасти физиологические. Сегодня мир, как и прежде, основан на борьбе жизни и смерти. Главный вопрос, на который должна была ответить прошедшая война, заключался в следующем: кто погибнет от нужды и голода – германские дети или дети союзников? (Ничем, кроме злобы с той и другой стороны, нельзя объяснить, почему нелегко было, чтобы выжили те и другие.) Большинство людей опасаются в глубине души разорения, особенно те, у кого есть дети. Богатые боятся, что большевики конфискуют их капиталовложения. Бедные боятся, что потеряют работу или здоровье. Каждый лихорадочно ищет «безопасности» и воображает, что ее можно достигнуть, подавляя потенциальных врагов. В моменты паники жестокость становится наиболее распространенной и свирепой. Повсюду реакционеры используют страх в своих интересах: в Англии – страх перед большевизмом, во Франции – страх перед Германией, в Германии – страх перед Францией. И единственным результатом их призывов является увеличение опасности, от которой они ищут защиты.

Поэтому одной из главных задач моралиста, исповедующего научный подход, должна быть борьба со страхом. Ее можно вести двумя способами: увеличивая безопасность и воспитывая мужество. Речь идет о страхе как иррациональном чувстве, а не как о разумном предвидении возможного несчастья. Когда в театре начинается пожар, разумный человек предвидит дальнейшее так же ясно, как человек, охваченный паникой. Но он принимает решения, которые могут уменьшить масштабы бедствия, в

Бертран Рассел Во что я верю filosoff.org

то время как паникер увеличивает опасность. С 1914 года Европа стала напоминать охваченную паникой публику в горящем театре. А нужны спокойные, авторитетные указания, каким образом спастись, не растерзав при этом друг друга в клочья.

Викторианское время, несмотря на все свои нелепости, было периодом быстрого прогресса, потому что люди жили надеждой, а не страхом. Если мы снова хотим стать на путь общественного прогресса, нам нужно жить надеждой.

Все, что повышает общую безопасность, способствует и уменьшению жестокости. Это относится к предотвращению войн, через посредничество Лиги Наций или другими способами; это относится к борьбе с нищетой, к улучшению здоровья благодаря прогрессу медицины, гигиены и санитарии и ко всем другим методам уменьшения страхов, затаенных в глубинах человеческого сознания и являющихся в ночных кошмарах. Но нельзя обеспечить безопасность одной части человечества за счет другой: безопасность французов – за счет безопасности немцев, капиталистов – за счет наемных рабочих, белых – за счет желтых и т. д. Это только усилит террор со стороны господствующего класса, который стремится не допустить, чтобы праведный гнев привел угнетенных к восстанию. Безопасности можно достигнуть лишь с помощью справедливости, под которой я разумею признание равных прав за всеми человеческими существами.

Помимо социальных изменений, призванных обеспечить безопасность, есть и другие, более прямые, средства уменьшения страха, а именно система, служащая воспитанию смелости. Смелость необходима в драке, поэтому люди давно разработали средства ее увеличения с помощью воспитания и диеты: к примеру, полезным считалось поедать человеческую плоть. Но военная доблесть оставалась привилегией господствующих каст: у спартанцев ее должно было быть больше, чем у илотов, у британских офицеров – больше, чем у рядовых индийцев, у мужчин – больше, чем у женщин, и т. д. На протяжении веков она считалась исключительным правом аристократии. Любое проявление смелости у представителей господствующей касты использовалось для увеличения бремени угнетенных, а следовательно, и для увеличения страха угнетателей. Причины жестокости поэтому сохранялись. Чтобы сделать людей более гуманными, смелость должна быть демократизирована.

В немалой степени это уже достигнуто, как показали последние события.

Суфражистки[10 – Суфражистки – участницы движения за предоставление избирательных прав женщинам. В Англии возникновение этого движения датируют 1865 г., когда в Манчестере был организован первый женский избирательный комитет. Борьба суфражисток закончилась принятием в 1918 г. закона о предоставлении замужним женщинам, женщинам-домовладелицам и женщинам-выпускницам университетов по достижении ими 30 лет избирательных прав; затем им было предоставлено право избираться в палату общин. В 1928 г. возрастной ценз был снижен до 21 года.] продемонстрировали, что они столь же смелы, как самые храбрые мужчины; и это существенно повлияло на решение о предоставлении им избирательных прав. На войне рядовому солдату нужно было столько же мужества, как капитану или лейтенанту, и гораздо больше, чем генералу; и поэтому после демобилизации поведение рядовых не отличалось услужливостью. Большевики, объявляющие себя лидерами пролетариата, – очень мужественные люди, что бы о них ни говорили; это доказывает их деятельность до революции. В Японии, где совсем недавно только самураи обладали монополией на боевой дух, воинская повинность понудила к доблести все мужское население. Таким образом, во всех великих державах за последние 50 лет было много сделано, чтобы лишить аристократию монополии на смелость. Если бы этого сделано не было, демократия находилась бы сейчас в гораздо большей опасности.

Но смелость в битве ни в коем случае не единственная и даже, видимо, не самая важная форма смелости. Чтобы встречать лицом к лицу нищету, издевательства, враждебность со стороны своих соплеменников, нужно не меньшее мужество. Такое мужество, к сожалению, часто отсутствует у самых храбрых солдат. А кроме того, нужна смелость, чтобы спокойно и разумно мыслить перед лицом опасности и сдерживать панический страх или паническую ярость. Здесь должно помочь образование. Воспитание мужества облегчается также, если у людей хорошее здоровье, неплохие физические данные, полноценное питание, если они обладают свободой для выражения фундаментальных жизненных импульсов. Я думаю, что физиологические источники мужества можно обнаружить, сравнивая кровь кошки с кровью кролика, и, по всей вероятности, наука когда-нибудь безгранично увеличит смелость людей, используя силу примера, привычку к опасности, специальные

Бертран Рассел Во что я верю filosoff.org

физические упражнения и подходящую диету. Все эти вещи есть у мальчиков, принадлежащих к высшему классу. Но до сих пор это остается привилегией богатых людей. Мужество поощряется в беднейших слоях общества при выполнении приказов, а не в проявлении инициативы и лидерстве. Когда качества, которыми сегодня наделены только лидеры, станут всеобщими, не будет больше ни лидеров, ни ведомых, и демократия наконец осуществится.

Но страх – не единственный источник злобы; здесь замешаны также зависть и разочарование. Зависть калек и горбунов, этот источник злых козней, вошла в поговорку; однако и другие увечья дают те же результаты. Мужчина или женщина, испытывающие какие-либо затруднения в половой жизни, склонны к черной зависти, обычно принимающей форму морального осуждения счастливых людей. Немало переворотов двигалось завистью к богачам. Ревность, конечно, особая форма зависти – зависти к любви. Старые люди часто завидуют молодым и склонны к жестокости по отношению к ним.

Насколько мне известно, с завистью можно бороться только одним способом: сделать так, чтобы жизнь завистливых была счастливее и полнее, и поощрять в молодых людях не соревнование, а идеи коллективных начинаний. Самая злобная зависть у тех, кто не жил полной жизнью в браке, или не имел детей, или не сделал карьеры.

Неудач такого рода можно было бы в большинстве случаев избежать с помощью более совершенных общественных учреждений. И все же зависть, скорее всего, останется.

В истории имеется множество примеров, когда генералы завидовали друг другу настолько сильно, что собственное поражение предпочитали помощи соратников.

Политики из одной партии или художники, принадлежащие к одной школе, почти наверняка относятся друг к другу с ревностью. В таких случаях ничего не остается, как устроить по возможности, чтобы ни один из соревнующихся не мог причинить другому вреда, а победил бы только благодаря своим заслугам. Ревность художника обычно безвредна, потому что единственный эффективный путь утихомирить ее – это создавать картины, которые были бы лучше картин соперника. Ведь разделаться с последними возможности нет. Когда зависть неизбежна, ее следует использовать в качестве стимула для собственных усилий, а не для того, чтобы мешать другим.

Возможности науки не сводятся к воздействию на те стороны человеческой природы, которые направлены на взаимное уничтожение и которые мы по этой причине называем «злыми». Вероятно, наука может беспредельно совершенствовать человека. Здоровье его уже значительно улучшено: вопреки сетованиям тех, кто идеализирует прошлое, мы живем сегодня дольше и у нас меньше болезней, чем у любого класса или любой нации восемнадцатого столетия. Если бы мы чуть больше применяли имеющиеся научные открытия, наше здоровье могло быть еще лучше. Будущие научные достижения, видимо, ускорят и этот процесс. До сих пор наибольшее воздействие на нашу жизнь оказывала физическая наука, но в будущем, видимо, более существенное значение будут иметь физиология и психология. Когда мы узнаем, как именно физиологические условия определяют характер, мы сможем по желанию производить те типы человеческих существ, которые нам нравятся. Ум, художественные способности, благожелательность – все это наука, несомненно, может дать человеку. Вряд ли есть предел тому, что можно сделать для создания благого мира, если только человек будет мудро распоряжаться наукой. В одной работе я высказал опасение, что люди могут неумно воспользоваться той силой, которую они черпают из нее.

Однако здесь я хочу обратить внимание на добро, которое люди смогут творить, если захотят, и не касаюсь вопроса, не пожелают ли они скорее творить зло.

Существует один взгляд на роль науки в человеческой жизни, которому я симпатизирую, хотя до конца с ним не согласен. Это отношение к ней тех, кто испытывает страх перед «неприродным». Великим поборником такого взгляда в Европе был конечно же Руссо. А Лао-цзы [11 – Лао-цзы (6-5 вв. до н. э.) – древнекитайский философ, написавший трактат «Лао-цзы» («Дао дэ цзин»)]. Основатель одного из направлений древнекитайской философии – даосизма. По другой версии, трактат «Дао дэ цзин» был написан последователями Лао-цзы, и не раньше чем в 4 в. до н.э. Основной принцип философии Лао-цзы – уступчивость, покорность, отказ от желаний, возвращение к первобытному обществу, где каждый человек находит удовлетворение в простой естественной жизни.] высказал его еще более убедительно, и на 2400 лет раньше. Думаю, что в восхищении природой

перемешаны истина и ложь, и важно отделить их друг от друга. Начнем с вопроса, что такое «природное». Грубо говоря, это все, к чему мы привыкли с детства. Лао-цзы возражает против дорог, повозок и лодок – всего, что, вероятно, не было известно в деревне, где он родился. Руссо уже привык к этим вещам и не считал их противными природе. Но он, несомненно, стал бы громогласно обличать железные дороги, если бы дожил до них.

Одежда и кулинарное искусство имеют слишком древнее происхождение, чтобы можно было их обличать, хотя все апостолы природы возражают против новшеств в этой области. Контроль над рождаемостью считается злом теми людьми, которые терпимо относятся к девственности, потому что первое – это новейшее нарушение природы, а второе имеет древнее происхождение. Во всем этом проповедники «природы» непоследовательны, и есть даже соблазн считать их просто консерваторами.

Однако кое-что все же говорит в их пользу. Возьмем, например, витамины, открытие которых вызвало резкий поворот в отношении к «природной» пище. Впрочем, по-видимому, витамины можно получить при помощи рыбьего жира и электрического света, которые конечно же не входят в «природный» рацион человеческих существ.

Из этого примера видно, что, не обладая знанием, мы можем ненароком причинить вред каким-нибудь отступлением от природы. Но когда причины вреда ясны, его, как правило, можно избежать с помощью какого-нибудь приспособления. Что касается нашей физической среды и физических средств удовлетворения наших желаний, то не думаю, что доктрина «природы» оправдывает что-либо, кроме определенной осторожности в экспериментах. Одежда, например, противна природе и должна дополняться другой, неприродной практикой, а именно стиркой, чтобы не вызывать болезней. Но оба средства вместе способствуют тому, что человек становится более здоровым, чем дикарь, который их лишен.

Многое можно сказать в пользу «природы» там, где это касается человеческих желаний. Заставлять мужчину, женщину или ребенка жить жизнью, которая подавляла бы самые сильные их побуждения, не только жестоко, но и опасно. В этом смысле, жизнь согласно «природе» можно, с некоторыми оговорками даже рекомендовать. Нет ничего более искусственного, чем подземная электрическая дорога, но природа ребенка не испытывает никакого насилия, когда его берут в путешествие по ней; наоборот, для всех детей это радостное событие. Искусственные приспособления, способствующие удовлетворению желаний обычных человеческих существ, являются – при прочих равных условиях – благом; этого не скажешь об образе жизни, который искусствен – в том смысле, что он навязывается властями или экономической необходимостью. Такой образ жизни, разумеется, в какой-то мере необходим сегодня: путешествие по морю стало бы очень трудным делом, если бы на пароходах не было кочегаров. Но о необходимости такого рода следует сожалеть, и мы должны всячески ее избегать. Не стоит жаловаться на то, что нам еще приходится немного трудиться. В самом деле, в девяти случаях из десяти не безделье, а именно труд делает человека счастливее. Но то количество и тот характер труда, который вынуждены выполнять сегодня большинство людей, приводят к большому злу: в особенности если это рутинная, к которой вы привязаны на всю жизнь. Жизнь не должна быть слишком отрегулированной или слишком методичной. Нашим побуждениям, если они не являются губительными для других, надо по возможности давать выход: в жизни должно быть место для приключений. Мы должны относиться с уважением к человеческой природе, потому что наши импульсы и желания как раз тот материал, из которого создается счастье. Бесполезно давать людям абстрактное «благо». Если мы хотим прибавить им счастья, то должны дать то, что они желают или в чем нуждаются. Наука когда-нибудь научится так формировать желания, чтобы они не вступали в конфликт с желаниями других людей, во всяком случае не в такой степени, как это происходит сегодня. И тогда мы сможем полнее удовлетворять наши желания. В этом смысле – и только в этом – желания тогда станут «лучше».

Отдельное желание само по себе ничем не лучше и не хуже другого. Но одна группа желаний лучше другой в том случае, когда все желания первой группы могут быть удовлетворены одновременно, а во второй группе выполнение одних желаний противоречит выполнению других. Именно поэтому любовь лучше ненависти.

Уважать физическую природу глупо – физическую природу следует изучать, чтобы заставить ее, насколько это возможно, служить человеческим целям; в этическом смысле она ни хороша, ни плоха. И когда физическая природа и человеческая природа вступают во взаимодействие – скажем, в проблеме народонаселения, – нет нужды смотреть на это раскрыв рот и признавать, что война, эпидемии и голод –

Бертран Рассел Во что я верю filosoff.org

единственно возможные средства борьбы с перенаселением. Святоши говорят: грешно в этом деле применять науку, следует применять мораль и практиковать воздержание. Но, даже если отвлечься от того факта, что все, включая святош, знают, что их совету никто не последует, почему решать проблему перенаселения средствами контроля над рождаемостью – это грех? На этот вопрос никто не может ответить, а единственный имеющийся ответ основан на устаревших догмах. И понятно, что насилие над природой, проповедуемое святошами, во всяком случае, не менее велико, чем «насилие», предупреждающее рождаемость. Святоши предпочитают такое насилие, которое при успешном выполнении вызывает несчастье, зависть, стремление преследовать людей, часто безумие. Я предпочитаю «насилие» над физической природой, которое ничем не отличается от того насилия, которое заключено в паровой машине или даже в зонтике. Все это показывает, насколько двусмыслен и неочевиден принцип следования «природе».

Природа, даже если это человеческая природа, постепенно перестает быть каким-то абсолютom и все в большей степени становится тем, что из нее делает наука. Наука может, если пожелает, дать нашим внукам благую жизнь, наделить их знанием, самоконтролем и характерами, которые будут способствовать гармонии, а не вражде.

В настоящее время наука учит наших детей убивать друг друга, потому что многие ученые приносят будущее человечества в жертву собственному мимолетному процветанию. Но этот период закончится, когда люди обретут такую же власть над своими страстями, какой они уже обладают над физическими силами внешнего мира.

Тогда наконец мы завоюем нашу свободу.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!